

Что делает этот человек?

Он действительно снова флиртует с ним?! Очевидно, что у него уже есть один.

Чжоу Цзихэн схватил беспокойную руку Ся Сицина:

— Что ты хочешь сделать ещё раз?

Взгляд Ся Сицина лениво переместился на запястье Чжоу Цзихэна, затем он перевел взгляд, посмотрев ему в глаза, и безучастно сказал:

— Это больно.

Совершенно подсознательно Чжоу Цзихэн почувствовал, что делает что-то не так, поэтому он немедленно отпустил запястье Ся Сицина и открыл рот. Слово «Извини» были у него на губах, и он внезапно отреагировал.

Нет, именно этот человек приставал к нему первым, так почему же он извиняется?

Ся Сицин действительно нравилось дразнить Чжоу Цзихэна до ярости, а затем сдерживать его, который почти безумел из-за чувства морали. Это как маленький тигрёнок, свирепый и яростный, которого немного дразнят и раздувают ему шерсть, а затем закрывают его нежной и красивой маленькой клеткой, наблюдая, как он сходит с ума и не может напасть изнутри. Продолжать в том же духе - не более чем два результата: приручить его или быть проглоченным им.

Очевидно, Ся Сицин, уверен в себе и горд, что может рассматривать только первое.

— Ты думаешь, нам вполне суждено? - Ся Сицин потёр запястье, которое Чжоу Цзихэн только что держал. — Почему ты оказался соседом? Объясняюсь заранее, я действительно не знал, что ты здесь живёшь. - Перегнувшись через плечо Чжоу Цзихэна, Ся Сицин посмотрел на дом с его стороны. — Живёшь один?

Чжоу Цзихэн тоже не ответил на его вопрос и сделал шаг влево, чтобы заслонить взгляд Ся Сицина.

Кажется, что он живёт один. Ся Сицин улыбнулся:

— Я тоже живу один.

— Значит, ты можешь вернуть обратно того, кого захочешь? - Чжоу Цзихэн непонимающе

посмотрел на него, с сарказмом в словах.

— Смотри на то, что ты сказал, должен ли я просить у тебя совета о том, кого я приведу обратно? – Ся Сицин всё ещё улыбался, но Чжоу Цзихэн поперхнулся тем, что он сказал, и некоторое время не знал, что ответить.

Он также чувствовал себя странно, что за сила у него здесь, и почему он так зол? Очевидно, он знает истинное лицо Ся Сицина лучше, чем кто-либо другой. Он должен был перестать удивляться давным-давно. Какое отношение его распушенность имеет к нему самому.

Нет никаких причин вмешиваться в его личную жизнь.

Видя, что Чжоу Цзихэн молчит, Ся Сицин продолжил:

— Так что... не удивляйся, если услышишь что-то, чего не должен слышать. – Он заколот выбившиеся волосы, рассыпавшиеся по щекам, за уши, — Но звукоизоляция в таком дорогом доме должна быть хорошей.

Дыхание в груди Чжоу Цзихэна стало глубже и некомфортнее. Он опустил лицо:

— Если я это услышу, я немедленно уйду.

— Куда переедешь? – Ся Сицин поднял брови, глядя на него, его голос смягчился, а на лице появилась улыбка. — Переезжай в мой дом.

Бесстыдный.

На лице Чжоу Цзихэна снова появилось выражение отвращения. Внезапно он увидел, что щель в двери позади Ся Сицина немного приоткрылась, и в щель заглянула голова. Это явно был ребёнок, который только что вошёл. Его брови нахмурились ещё сильнее, и он достал маску из кармана ветровки, чтобы развернуться и уйти.

После ужина он хотел позвонить Сяо Ло и попросить его позвонить в компанию по переезду, чтобы переехать за ночь.

Кто знал, что как только он сделает шаг, он внезапно почувствует, как кто-то обнял его сзади, крепко держа, не в силах сдвинуться ни на шаг. Чжоу Цзихэн необъяснимым образом обернулся, и оказалось, что это только что был ребёнок в тёмно-зелёной школьной форме.

— Ты, что ты делаешь?

Ся Сюцзэ поднял голову и с улыбкой посмотрел на Чжоу Цзихэна:

— Это, брат Цзихэн! Ты мне так сильно нравишься! Я ваш преданный поклонник! Не уходи, подпиши мне имя!

Что за чёрт?

Не только Чжоу Цзихэн, но и Ся Сицин также не понимали, что делает этот парень, когда он внезапно вмешался.

— Нет... Ты дай мне уйти первым. - Чжоу Цзихэн изо всех сил пытался не сломать руку Ся Сюцзэ, опасаясь, что это причинит ему слишком сильную боль. — Ты должен сдаться.

— Я не знаю! Брат Цзихэн, что ты собираешься делать?

Этот парень, один за другим, ровно выкрикивал брат Цзихэн. Ся Сицин закатил глаза, подошёл и схватил Ся Сюцзэ за руку:

— Что ты куришь?

Даже когда его брат вышел вперёд, Ся Сюцзэ всё ещё неохотно обнимал Чжоу Цзихэна и отказывался отпускать его:

— Что ты говоришь.

— Ешь, я собираюсь поесть. - Чжоу Цзихэн всё ещё сохраняет своё последнее поведение звезды. — Ты можешь отпустить меня.

Глаза Ся Сюцзэ внезапно загорелись:

— Правда? Приходи ко мне домой поесть, мой брат сейчас приготовит!

Старший брат???

Чжоу Цзихэн непонимающе посмотрел на Ся Сицина, а Ся Сицин прямо пнул Ся Сюцзэ по ноге:

— Кто, черт возьми, сказал, что я собираюсь готовить? Твой ребёнок действительно хорош, так что он может продать своему брату набор.

— Ой. – Ся Сюцзэ изобразил обиженное лицо, его голова опустилась, и он спрятался за Чжоу Цзихэном, но его руки всё ещё крепко обнимали его за талию. Видя, что Ся Сицин всё ещё хочет что-то сделать, Чжоу Цзихэн не мог удержаться и подсознательно заблокировал Ся Сюцзэ.

— Не делай этого.

Что с этим не так? Ся Сицину стало скучно:

— Какое тебе дело, если я побью своего брата?

— Это действительно твой брат... – сказал себе Чжоу Цзихэн, поворачивая голову, чтобы посмотреть на мальчика позади себя, не говоря уже о том, что его брови и глаза похожи. Чжоу Цзихэн почувствовал себя намного комфортнее, и вздох облегчения, который висел в воздухе до этого, казалось, внезапно ослаб.

Гнев только что прошёл, но чувство вины захлестнуло его сердце. Прямо сейчас он не мог не думать, что этот ребёнок был его маленькой возлюбленной. Это было недоразумение, основанное на предубеждении. Чжоу Цзихэн посмотрел на Ся Сицина, его брови слегка нахмурились, он выглядел очень несчастным.

— Брат Цзихэн, приходи ко мне домой на ужин. – Ся Сюцзэ воспользовался возможностью, чтобы снова начать бурю.

— Ся Сюцзэ, что ты делаешь вслепую, у тебя чешется кожа?

— Не делай этого, не делай этого, вы все одна семья. – Чжоу Цзихэн стоял перед ним, как орёл, поймавший птенца, и беспомощно убеждал.

— Кто с кем состоит в семье? Ты с моей семьей? – Ся Сицин поднял брови, его лицо было полностью лишено улыбки, и его дурной характер был полностью раскрыт. Он не стал утруждать себя разговорами о ерунде с этими двумя людьми. — Хорошо, Ся Сюцзэ, я вижу, в какие трюки ты играешь со мной. – Сказав это, он повернул голову, пинком распахнул дверь и вошёл.

Увидев, что его брат вошёл, Ся Сюцзэ отпустил Чжоу Цзихэна и сложил руки вместе, делая умоляющий жест:

— Брат Цзихэн, ты мне действительно очень нравишься. Тот, кого ты играл, это... Ян Вэй и Фэн Цимин, они все мне очень нравятся.. – Ся Сюцзэ сказал, медитируя в своем сердце: «не совершай ошибок». Он просто попросил одноклассника в классе поинтересоваться.

Чжоу Цзихэн уставился на парня перед собой, думая про себя: «это действительно мой

поклонник?» – Подумав об этом ещё раз, Ся Сицин сам является известным художником в рисовальном кругу, и кажется разумным, что его младший брат – фанат.

Таким образом, Чжоу Цзихэн, наивная и добросердечная большая звезда, был одурачен в волчье логово другого большого «фальшивого» фаната маленьким «фальшивым» фанатом и радужным пердуном с ласковыми словами.

Сидя на большом диване в гостиной дома Ся Сицина, Чжоу Цзихэн всегда чувствовал, что что-то не так, но он не мог сказать, что именно. Ся Сюцзэ сначала сел рядом с ним с улыбкой хиппи и задал ему длинный список вопросов, как будто проверяя его хукоу*.

[{* Хукоу – это юридический документ, который регистрирует основную информацию о населении, включая имя физического лица, дату рождения, родственников и семейное положение. Введённый 60 лет назад, хукоу является ключевым документом, удостоверяющим личность для китайских граждан, и важным административным инструментом для правительства по мониторингу своего населения.}]

— Брат Цзихэн, у тебя есть брат? Сколько человек в вашей семье? Чем занимается твой брат? Где твой отец? А как насчёт твоей матери? Как складываются отношения между твоими мамой и папой? Как часто ты обычно бываешь дома? В скольких отношениях ты состоял?

— Ты...

Ся Сюцзэ собирался продолжить расспросы, когда воротник на его затылке внезапно был поднят. Оглядываясь назад, он увидел, что это был его брат, который нехорошо улыбался.

— Ты умрёшь за меня.

— Прости. – Ся Сюцзэ горько поджал губы, встал с дивана, ухмыльнулся Чжоу Цзихэну и последовал за Ся Сицином на кухню.

— Продолжай. – Ся Сицин наклонился в поясице и нашёл что-то в новеньком шкафу. После долгого переворачивания он нашёл только маленькую плиту и лопатку. — Какого черта ты делаешь.

— Нет. – Ся Сюцзэ потёр ладони, как маленькая муха, присев на корточки рядом со своим братом, и кашлянул, осторожно заговорив. — Это... брат, я думаю, тебе, кажется, очень нравится брат, я просто хочу помочь тебе разобраться...

Прежде чем он закончил говорить, Ся Сицин яростно постучал лопаточкой по его лбу.

— Кто тебе сказал, что он мне нравится?

Ся Сюцзэ обиженно потёр голову:

— Но... я действительно думаю... брат, ты нарисовал много его портретов, и ты просто неправильно понял себя. Ты не сердишься...

Как только его голос затих, он услышал хмык Ся Сицина, и встал.

— Просто потому, что мне это не нравится, я не утруждаю себя объяснениями.

— Тогда почему ты боишься, что я вмешаюсь? – Ся Сюцзэ тоже встал. — Если он тебе не нравится, не имеет значения, если я его испорчу.

Это действительно... Ся Сицин некоторое время не мог опровергнуть слова этого маленького дурачка. Он довольно неприятно посмотрел на него и схватил Ся Сюцзэ за воротник школьной формы:

— Ты не вмешиваешься в мои дела. Он мне никогда не понравится.

Ся Сюцзэ дважды улыбнулся и тут же изобразил мольбу о пощаде, убирая пальцы своего брата один за другим:

— Понятно, я не буду вмешиваться, я не буду вмешиваться. – Сказав это, он потянул за ляжки своей школьной сумки и шаг за шагом вышел из кухни. Когда он уже собирался выйти за кухонную дверь, он прошептал. — Не устанавливай для себя флажок, брат.

Затем он быстро убежал с желанием выжить.

В последнее время он был действительно слишком добр к нему. После трёх дней, когда он не поднимался на крышу, чтобы снять черепицу, Ся Сицин тихо выругался и ударил ногой по дверце шкафа.

Чжоу Цзихэн, который сидел один на диване, был смущён и ему было скучно, поэтому он мог только повернуть голову, чтобы посмотреть на дом. На этом этаже всего две квартиры, одна занимает восточную половину, а другая – западную. В основном это один и тот же рисунок, но Ся Сицин, который родился в искусстве, явно отличается. Убранство дома полно его личного стиля. Общий тон чёрно-белого смешан с несколькими красными цветовыми блоками, что не является завершённым. Холодность и неполный энтузиазм.

— Брат Цзихэн...

Внезапно раздался голос Ся Сюцзэ, который поразил Чжоу Цзихэна. Когда он обернулся, то увидел, что тот лежит на одном конце дивана и смотрит на него с милой улыбкой на лице.

Честно говоря, Ся Сюцзэ смеялся почти точно так же, как Ся Сицин, а Чжоу Цзихэн почти перекрывал их лица.

Если Ся Сицин вот так улыбнётся сам по себе, назовёт меня...

— Брат Цзихэн?

Все странные фантазии, которые приходили ему в голову, были развеяны здравомыслием Чжоу Цзихэна. Он в панике посмотрел на Ся Сюцзэ:

— В чём дело?

— Нет. Ничего, - Ся Сюцзэ опустился на колени на ковёр, понемногу придвинулся к Чжоу Цзихэну и посмотрел на него с улыбкой. — Я просто хочу спросить тебя, умеешь ли ты готовить?

Когда Чжоу Цзихэн зашёл на кухню, Ся Сицин стоял перед индукционной плитой, держа в руках мобильный телефон. Прежде чем он вошёл, Чжоу Цзихэн спросил о липком запахе. Он немедленно сделал несколько шагов вперёд и выключил индукционную плиту.

— Что ты делаешь?

— Ты хочешь нас отравить? - Чжоу Цзихэн взглянул на чёрный неизвестный предмет в сковороде. — Что это?

— Омлет. - Конечно, Ся Сицин проследил за взглядом Чжоу Цзихэна и заглянул в сковороду. — Разве ты этого не видишь?

Чжоу Цзихэн вздохнул, закатал рукава, взял сковороду и вылил «омлет» в мусорное ведро. Он вымыл сковороду:

— Позволь мне сделать это. Я не хочу попасть в заголовки газет из-за пищевого отравления.

— Я думаю, ты просто не хочешь, чтобы кто-то узнал, что что-то произошло в моём доме. - Ся Сицин пожал плечами, улыбнувшись и откинувшись на стол, снял фартук и отбросил его в сторону, его пальцы мягко коснулись мраморной столешницы. — Тск, это как-то связано с такими людьми, как я...

Его последний голос был, как обычно, лёгким и протяжным, как флирт, и не имело значения, говорил ли он обычно о себе.

— Мне очень жаль.

Ся Сицин на мгновение опешил, и даже движение его пальцев прекратилось.

Наливая масло в кастрюлю, Чжоу Цзихэн сказал ему:

— Я только что был неправ, и я приношу тебе извинения. Я не должен всегда носить цветные очки, чтобы смотреть на вас, и использовать врожденные предрассудки, чтобы судить обо всем, что вы делаете. Это иррационально и несправедливо. — Он держал яйцо в одной руке и разбил его о край кастрюли, и звук готовящегося омлета Цилала сделал кухню ещё более тихой. Чжоу Цзихэн тоже был очень обеспокоен. Он не знал, были ли его извинения искренними, или о чём думал Ся Сицин, когда он молчал.

— Я... / — За что ты извиняешься?

Эти двое заговорили одновременно и смущённо закончили одновременно.

— Я просто хочу извиниться, — Чжоу Цзихэн выложил яичницу на тарелку. — Это моя вина, что я вас неправильно понял. Если вы неправы, вам следует извиниться. В будущем я не буду клеветать на вас без доказательств.

— Доказательства? — Ся Сицин внезапно рассмеялся. — Почему, ты всё ещё думаешь, что настанет день, когда меня поймают в постели?

Чжоу Цзихэн внезапно поперхнулся. Ся Сицин снова неверно истолковал его смысл. Просто думая о правильной формулировке для объяснения, Ся Сицин снова заговорил холодным тоном:

— Тебе не нужно извиняться. Я такой человек, как ты сказал. На этот раз это был несчастный случай, а не норма.

Ся Сицин — человек, который любит постоянно обдумывать слова. В конце концов, для плетения лжи и мошенничества требуется время. Но он почти выпалил эти слова, прежде чем его мозг смог отреагировать, после того, как он услышал извинения Чжоу Цзихэна.

Забота и сожаление — это то, чего он никогда раньше не испытывал, что делает его уязвимым, допускающим оплошности и отклоняющимся от своего курса, но Чжоу Цзихэн полон этими вещами, как будто он естественный враг, который владеет всеми его слабостями.

Он повернулся и тщательно вымыл пальцы:

— Не думай, что ты меня хорошо знаешь. На самом деле, то, что ты называешь «клеветой», для

меня норма.

Такая сцена заставила Чжоу Цзихэна невольно вспомнить о действиях убийцы по уборке после убийства в фильме.

Ся Сицин произносил каждое слово легко и медленно, и движения его рук не прекращались. Струящаяся холодная вода текла сквозь его пальцы:

— Мне нравится преследовать других. Наблюдение за процессом, когда человек вынимает мне своё сердце собственными глазами, доставит мне огромное удовлетворение, но когда я получу его, я буду чувствовать себя очень удовлетворённым. Я устану от этого и найду способы уйти, я не хочу забирать это сердце с собой, это очень обременительно. – Отдернув руку, звук стекающих капель воды внезапно прекратился. Ся Сицин одну за другой вынимал кухонную бумагу со столешницы, вытирая пальцы, покрытые каплями воды. — Значит, ты прав, я подонок.

Скомкав мокрую бумагу в шарик и выбросив его в мусорное ведро, Ся Сицин обеими руками оперёлся о стол и склонил голову к плечам Чжоу Цзихэна. Это действие было похоже на очень интимный поцелуй любовницы в щёку.

Эти ленивые глаза уставились на лицо Чжоу Цзихэна сбоку, и он сказал тихо, как будто говорил во сне:

— Ты боишься?

Чжоу Цзихэн не понимает, почему Ся Сицин хочет выложить всё начистоту. Согласно его характеру, лучшая политика – лгать как можно дольше. Точно так же, как павлин открывает экран, будет использована самая мягкая сторона, чтобы привлечь вас, побудить вас и заставить вас добровольно ввязаться в эту аферу.

Честно говоря, не только Чжоу Цзихэн не понял, но и Ся Сицин тоже не понял.

Он чувствовал, что сейчас он был очень странным, не спокойным, не замаскированным, как будто он в спешке сорвал свою маску и показал ему окровавленное лицо.

Среди стольких жертв, с которыми он столкнулся, Чжоу Цзихэн – самый особенный. С самого начала он прямо увидел все низменные корни, которые он скрывал, и все маскировки были полностью уничтожены перед ним. Теперь даже он взял на себя инициативу разоблачить ложь о «симпатии», это было ясно. Покажите ему самую порочную и уродливую часть себя, и пусть это оценят и оценят как причудливое произведение искусства.

Возможно, из-за этого Чжоу Цзихэн стал добычей, которую Ся Сицин желал больше всего в своём сердце.

Пока что цель, на которую я больше всего хочу охотиться одним махом.

Неожиданно Чжоу Цзихэн, который тихо готовил, внезапно повернул лицо набок и посмотрел прямо в красивые, но легкомысленные глаза Ся Сицина с очень близкого расстояния. На этом лице, которое было точёным, как естественная скульптура, не было никакого выражения, и редко можно было оставаться равнодушным, каким бы оно ни выглядело.

— Чего я боюсь?

Как и в прошлый раз в секретной комнате, голос Чжоу Цзихэна был подобен колоколу собора Байхуа, с грохотом ударяющему в его сердце.

— Ты боишься, что будешь преследовать меня, или ты боишься, что я отдам тебе своё сердце?

В этот момент Ся Сицин почувствовал, как кровь хлынула против течения.

— Если ты дашь мне только эти два варианта, - рот Чжоу Цзихэна слегка скривился, — Я не боюсь.

Ся Сицин попытался разобраться во внешнем звучании Чжоу Цзихэна. Не боюсь этого. Бояться первого - значит презирать своё собственное стремление, а бояться второго - значит быть уверенным, что тебя это не сдвинет с места.

В этот момент Ся Сицин почувствовал, что его гордость была подвергнута сомнению и спровоцирована, как никогда раньше, и где-то в его тёмном сердце внезапно зажёгся сгусток огня, отчего его кровь стала горячей.

Он протянул пальцы и нежно потёр подбородок Чжоу Цзихэна. Тот улыбнулся и поднял брови, прежде чем собеседник смог отреагировать. Его глаза были полны явной двусмысленности, когда он посмотрел на него.

— Лучше бы так и было.

<http://bllate.org/book/14508/1284168>